

МИКАЭЛЬ

ДЕССЕ

НЕПОКОЙ

или

КУЧЕРЯВЫЙ ТРАУР

ТИКАЯ АГАПОВА

INSPIRIA

МОСКВА

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ДЗ7

В коллаже на обложке использована фотография:
© Evgenij Yulkin / Stocksy United / Legion-Media.

В оформлении форзаца использована иллюстрация:
© Aprily / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Художественное оформление А. Гартова

Дессе, Микаэль.

ДЗ7 Непокой / Микаэль Дессе. — Москва : Эксмо, 2023. — 256 с.

ISBN 978-5-04-176456-2

Логики больше нет. Она скончалась в Санкт-Петербурге при таинственных обстоятельствах. Ее похороны организуют умалишенные, захватившие власть в провинциальной психбольнице и учинившие в ней культ. И все идет своим свихнутым чередом, пока на поминки не заявляется непрошенный гость — Тикай Агапов, друг детства Логики и главный претендент на питерскую квартиру покойницы.

Так начинается матово-черная комедия «Непокой», в которой с мироздания съезжает крыша, смех встречает смерть, а Даниил Хармс — Дэвида Линча.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-176456-2

© Дессе М., 2020
© ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Единственно возможная политика
чистоты — фашизм...

Ник Ланд

Счастлив, кто падает вниз головой:
Мир для него хоть на миг — а иной.

Владислав Ходасевич

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
НЕПОКОЙ

ТИКАЙ АГАПОВ

АНОНИМНЫЙ РАССКАЗЧИК

АРХИВ (МНЕНИЯ, ГАЗЕТНЫЕ ВЫРЕЗКИ И ПРОЧ.)

Холера, пишу к тебе затем, что ты одна читаешь
Лчем положено. Действительно, в ночь на сре-
ду Логике не стало. Поговаривают, скончалась она
от энтеровирусной инфекции, поскольку не умела
срыгивать, точно мышь какая. Некстати в Ленин-
градской области занялась полярная ночь — это
тоже правда, — потому тьма небесная правит здесь
отныне и присно, по неизвестное число, и в том ще-
котливость нашего положения, что всенощное бде-
ние наказано бдеть до утра, и не формального, что
на часах, а всамделишного, что на восходе солнца.

Ты, верно, видела уже конкурентную печать.
Если так, роняю профессиональный вопрос: разве
можно с такой небрежностью освещать такой гран-
диозный процесс? Не иначе, погоняют нашего бра-
та. Ну а я подожду, чтобы лишний раз не вымары-
вать бумагу. Вот в «Артиклях» куда ни шло — из
некролога следует, что трагедия приключилась на-
ционального масштаба, и оно понятно, ведь девуш-
ка была молодая, рыжая, а сверх того — блестящий
фармацевт. Людей подобного сочетания в стране
совсем немного. Притом ведущими метафизиками
мира было установлено, что Логика была законода-
телем, если не сказать оплотом, целой человеческой
бытности. Как это понимать — еще поди разбери.
Метафизики такой народ — ничего толком не про-
ясняют, а только и делают, что эффектно наводят

шороху. Тем не менее это их сообщение было воспринято мировой общественностью всерьез ввиду многочисленных катаклизмов в ряду смыслов. Не знаю, как у вас, но у нас чуть ни на каждом шагу случались конфузы и абсурды. Люди просыпаются без воли к жизни, иногда ушей, а иногда — чувства такта и хорошего вкуса (таких случаев уже зарегистрировано рекордное множество). Слышал, просыпаются даже безо всего сразу или не просыпаются вовсе, лишённые во сне и телес, и самосознания.

Участники панихиды смущены еще тем, что животные, прочая природа и архитектура сходных лишений не претерпели, а вздорный плющ, обвинивший настоящее и тянущий стебли в грядущее, имел свинство пустить корни в наше неприкосновенное прошлое и все там исковеркать на свой лад. Бред, одним словом, а виновата, как повелось, женщина.

Верен и слух, что вчера церемония была едва не сорвана. Гроб, музыка, фуршет — все было изумительно, пока не появился непрошенный не то знакомец, не то жених покойницы. На той стороне реконструирую.

В сумеречный час шло отпевание, когда распахнулись широко двери в большом зале хорошо, роскошно даже обставленной бывшей церковной консерватории, и на лиловый шелк ковра ввалилась снежная лавина, и в этой лавине исходил из всех щелей паром без пяти минут вдовец (свадьбу так и не сыграли, а тут часы, понимаешь, встали!) Тикай Агапов в шарфах любопытных колоров и текстур. С собою он имел керамическое изделие в форме шаржевого котика, в восточной выделке которого прочие скорбящие усмотрели по меньшей

мере кощунство, а по большей — натуральное миссионерство. Я потом его не видел, потому что погас свет и всех спешно вывели через черный ход.

Соображай полосу. И не преминь чиркнуть, что службу вел молодой совсем шаман племени Машона — Чака, сын Йона. Добрый час он танцевал с бубном над усопшей, жег солому, пел по-своему и теперь остался здесь, оттого что вернуться на родину не имеет валюты.

Тут надо бы поддать словца, да покраснее! И хоть это топливо мне ни шиша не стоит, прежде всего горят сроки: погребение уже сегодня, в половину первого, но ни в коем случае не приезжай — иногородних учредители без особых к тому показаний сажают на бамбук.

В номерах аскетически закис очаровательно-одурелый (šal-charm) герой байронического типа-опа! Его обязательно казнят, а пока слышен еще голос, этот дважды сорванный тенор, и бренчанье на воспаленных нервах.

Настроение мычать Пахельбеля и начинять вафельные рожки мокрым порохом, но вместо этого пишу на чем ни попадя. Это дома меня ждет знатный инструмент — точная копия первого «Ремингтона», за вычетом раскладки и бесшумной каретки, — а тут нет лишнего листа, нет даже ластика. Выходит — каждая мысль с наскака, и пока мне точат грифель, утихают сожаления об испорченной бумаге.

Тут — это сразу в двух мирах, на которые сейчас поделен Бамбуковый уезд. Чтобы вы имели представление о предстоящем пути и архитектуре конечного пункта, списываю красноречивый абзац из путеводителя: «На снимке со спутника эта непротяженная дорога на выступающем лобке сосновой чащобы в шестнадцати километрах к востоку от Санкт-Петербурга похожа на бетонный слепок человеческой аорты. Несмотря на многочисленные выбоины, сохранилась она на сегодняшний день настолько хорошо, что вместе с линией электропередачи выглядит посторонней среди земли, травы и неотесанного камня долины, в которой про-

стирается. Самый ее конец лежит в леске, у дверей так называемого Бамбукового дома. Три этажа его четырехкрылого корпуса окружены рвом с мостиком, ведущим к арочному въезду в колодец двора. Над аркой вырублено ромбом единственное непроницаемое окно, а вместо крыши ржавеет бесформенная шапка бамбуковых листьев, отчего здание похоже на сплюснутую гравитацией голову позеленевшего циклопа. Исполинские сосны ревностно берегут его лицо от солнца, но недостаточно густа их хвоя, и поэтому в ясные дни стены дома усеяны блестяще-малахитовыми спиломами».

От себя добавлю, что здание отдельными своими очертаниями до смешного напоминает католический монастырь, цвет его к этому времени — лежало-салатовый, а участок обрамлен высоким — выше даже выпавшего снега! — вымершим кустом, что полы внутри дома, как на шахматной доске, в черно-белую клетку, стены сплошь прошиты елочными гирляндами и что все три этажа его снабжены говорящими пространствами за рифленным стеклом. Таков первый мир, с бумагой и карандашом, зато без окон — то ромбовидное в коридоре изнутри замазали смолью, и свет едва просачивается через разводы. Местные, впрочем, в окнах не нуждаются. Им и без них понятно, что кругом руины.

Вообще-то кругом лес, а напротив дома развернут траурно-черный шатер по типу циркового — в нем, собственно, проходят поминки Логике Насущной. Это мир под номером два. При его входе смаргивает слезинку неоновая вывеска формы алой зенки, а внутри под куполом багровеют лучистые черешни китайских бумажных фонариков.

В их слабом свете людские бошки кажутся томатами, кипящими в угольной вари. Насколько мне известно, решение вынести поминки за порог было всеобщим. Дом не терпит скорбящих — ему от них солено и натоптано, он их сплевывает, и его нельзя винить. Организовал все это дело альбинос по имени Африкан Ильич, немолодой человек с тонюсеньким комариным соплом и чашей невероятно длинных, словно инеем покрытых ресниц.

Нинисты убеждены, что мир снесло томатное цунами. По поверьям, на вкус оно было — ну точно импортный суп «Кэмпбелл». Поныне, говорят, в кукурузных полях, стреляя попкорном, гуляют огненные смерчи и раз в неделю выпадают смертоносные осадки — силиконовый град размером с грейпфрут. Дескать, только тут крыша цела, а двери все на своих местах. Но уж лучше умереть снаружи, так как здесь работает хорошо вам известный Цветан Метумов. По указу Истины он мне выкорчевал правый уеух¹, а червоточину в центре гнезда из слез, ресниц и кожи зашил шелковыми нитями его коллега — Антон Вакенгут, знаменитый кутюрье, выдающийся брюзга и коллега Африкана Ильича. Такой вот вхожий э-ти-кет у моих пленителей, а я ведь вас не знаю; не знаю даже, как вы отреагируете на неприличное слово «пупок», но жалуюсь. Надеюсь, выйдете на тех, кто примет меры.

Обратный адрес: табурет на поле c2 и столик на d3. Может, и не мои они вовсе. Тут капитализм хромает. Я его запряг в иждивенческие сани. Прият-

¹ Глаз (фр.).

но в них сидится, неторопливо катится. И все бы упоительно, когда б не гадила эта синтетическая сволочь. Истина, как по мне, не женщина, а продукт химической реакции в смеси пафоса, подлости и парфюмерии. Еще кофия, о чем свидетельствует цветущая желтизна ее зубов. Вроде не француженка, но хуже нее нет.

Вы пардоньте, что текстую бессвязно. Отвлекаюсь на память — мой ампутированный глаз смотрит теперь в прошлое, как вчера — в чужое письменное. Далее стенографирую.